

Серова Анастасия Дмитриевна

ЛАРИСА ВАСИЛЬЕВА И ЛЮДМИЛА ТАТЬЯНИЧЕВА: ИХ ПУТИ И ПЕРЕПУТЬЯ

В статье рассматривается лирика двух поэтов в основном второй половины XX века: Ларисы Васильевой и Людмилы Татьянической, выявляются точки соприкосновения их лирических героев и художественных характеров. В этой связи изучается проблема "женской литературы". В лирике Васильевой и Татьянической много перекрёстных тем и образов. Среди них - историческая, материнская темы, древесная образность. Созвучными у поэтов оказываются вариации на тему "Слова о полку Игореве". Объединяющей темой творчества Васильевой и Татьянической является женская тема, которая делает родственными их интонации.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/12-2/9.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(66): в 4-х ч. Ч. 2. С. 37-40. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/12-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 821.161.1

В статье рассматривается лирика двух поэтов в основном второй половины XX века: Ларисы Васильевой и Людмилы Татьянической, выявляются точки соприкосновения их лирических героев и художественных характеров. В этой связи изучается проблема «женской литературы». В лирике Васильевой и Татьянической много перекрёстных тем и образов. Среди них – историческая, материнская темы, древесная образность. Созвучными у поэтов оказываются вариации на тему «Слова о полку Игореве». Объединяющей темой творчества Васильевой и Татьянической является женская тема, которая делает родственными их интонации.

Ключевые слова и фразы: женская литература; Лариса Васильева; Людмила Татьяническая; поэзия второй половины XX века; антропоморфизм; древесная лирика.

Серова Анастасия Дмитриевна

*Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина
Anastasiya_1036@mail.ru*

ЛАРИСА ВАСИЛЬЕВА И ЛЮДМИЛА ТАТЬЯНИЧЕВА: ИХ ПУТИ И ПЕРЕПУТЬЯ

Женская роль в литературе обрела проблемный характер в первой четверти XIX века, но наиболее активные дискуссии относятся к рубежу XIX–XX веков. Такие понятия как «женское творчество», «женская литература» нередко отрицались. Нынешний век, казалось бы, давно признал право женщины на творчество, но вопрос о женской литературе так же продолжает вызывать повышенный интерес. Одни исследователи серьезно занимаются этой проблемой, другие склонны считать, что понятие «женская литература» надуманное и не имеет под собой никаких оснований. Многие даже презрительно скажут: существует литература и не-литература, другого деления нет. Как справедливо считает Т. Морозова, «факт снисходительного отношения к женской прозе остаётся фактом. Если же про прозаика-женщину говорят, что у неё мужская проза, то это прямо как пять с плюсом – высший комплимент. Но ежели (упаси и помилуй) назвать прозу какого-никакого писателя женской – это сочтётся глубочайшим оскорблением» [6, с. 10]. И действительно, в сложившейся культуре слова «женское» и «мужское» не только гендерное определение, но и оценочная категория. Говоря о недостатках или достоинствах женской литературы, её всегда сравнивают с лучшими образцами мужского искусства слова. Норма, точка отсчета – мужчина, мужское перо, мужской взгляд. А русская фразеология закрепила презрительное – «бабья писанина». О месте женского творчества в общелитературном процессе размышлял Ю. Лотман в работе «Женский мир» (1998) [5]. К попыткам осмысления женского литературного творчества можно отнести статьи Н. Габриэлян «Ева – это значит “жизнь”» (1996) [4], И. Савкиной «Кто и как пишет историю русской женской литературы» (1997) [9], «Говори, Мария! (Заметки о современной русской женской прозе)» [8], Н. Перовой «Есть ли в России женская литература?» (1994) [7, с. 4], О. Славниковой «Та, что пишет, или Таблетка от головы» (2000) [10] и другие.

Именно в этом контексте нам чрезвычайно интересна позиция Л. Н. Васильевой. В эссе «Заговорившая с миром», которое включено в двухтомник избранных произведений, изданный в 1989 году, она пишет: «Итак, заговорившая с миром женщина – явление не новое, но и неизученное, окружённое постоянным невниманием литературных миров, насыщенных могучими мужскими амбициями. Так было всегда и в мировой, и в русской, так есть и сейчас, в современной, равноправной советской литературе. Неужели женщине судьба – оставаться на средних уровнях?» [1, с. 563]. Автор эссе «Заговорившая с миром» уверенно утверждает, что потребность в «женской» литературе несомненна, не ставя под вопрос подобное разделение: «Природа разделила, а с нею вряд ли поспоришь» [Там же, с. 570]. Господь дал мужчине и женщине разные биологические функции, и, конечно, должна быть разница в восприятии действительности. Мужской и женский миры – разные, местами пересекающиеся, соприкасающиеся и вновь расходящиеся. Отчего и происходит извечное непонимание: «Мужской и женский характеры ощущают жизнь по-разному, и желания тех и других, как правило, если и совпадают, то лишь в бесконечности» [Там же, с. 561].

Л. Васильева – представительница женской литературы, однако признаётся, что отношение к женской поэзии у неё странное: она гордится лучшим в ней, но глубокий интерес вызывают лишь стихи, написанные мужчинами: «В женских стихах мир знакомый, может быть, иногда и органически чуждый, но понятный, свой, родной, ничем не удивительный, кроме, порой, формы, бывающей бесподобной, а мир мужской поэзии, как неопознанный летающий объект, как дебри неведомого леса, как тайна, которую не открыть, и всё же хочется попытаться» [2, с. 245]. Казалось бы, с таким отношением Л. Васильева не могла быть поклонницей женской лирики. Но поэзия Людмилы Татьянической оказалась ей близка. «Когда говорят о России, я вижу свой синий Урал» [14, с. 110], «Как солнце в драгоценной грани в Урале Русь отражена» [11], «Я без Урала не могу. Урал всегда со мною» [12, с. 6]. Эти строчки Л. К. Татьянической давно стали хрестоматийными. Однако этот факт не сводит её творчество к региональному масштабу и одной теме. Её мастерство достигает самых высоких вершин.

Встреча Л. Васильевой с уральской поэтессой была продолжением давнего заочного знакомства. Юная Лариса, будучи ещё ребёнком, эвакуированная с семьёй в уральский городок и едва научившаяся складывать буквы в слова, читала стихи Л. Татьянической в газетах Урала. Первой встречи не помнит, только навсегда осталось в памяти: «Татьяническая – высокая, полная, статная, очень серьёзная, даже важная, подчеркнута немолодая, солидная в движениях, величественная, суровая, молчаливая» [2, с. 245]. Творчество уральской

поэтессы не могло не оказать влияния на лирическое самоопределение Л. Васильевой. Эссе о Татьяничевой Васильева назвала «Привилегированная женщина», как бы оспаривая её строки:

Я не ждала от жизни привилегий.
Считала счастьем быть такой, как все [13, с. 40].

Привилегия Л. Татьяничевой – её поэтическое мастерство, поэтический огонь. А также умение любить самой, одаривать собой людей, не требуя ответа и благодарности. Сгустком света, распространяющим благодать на успокоенные души и возбуждённые сердца, называет уральскую поэтессу Л. Васильева в посвящённом ей поэтическом триптихе:

Всё примет золотое лето,
чтоб всё седой зиме отдать.
А ты идёшь как сгусток света,
распространяя благодать
на успокоенные души
и возбуждённые сердца [2, с. 243].

А далее, используя аллюзию на Есенина, подчёркивает лирическую власть Татьяничевой не только над людьми, но и природой:

и даже псы, поднявши уши,
не сводят с твоего лица
доверчивых и жадных взоров [Там же]...

Не просто пассивное воздействие на животных, растения, но живой диалог:

и воробей, летящий встречь,
властитель веток и заборов,
тебе свою вверяют речь.
И бессловесные деревья
подвластны плену твоему,
не доверявшие издревле
помимо ветра – никому [Там же].

Человек, пёс, воробей, деревья – всё, словно пазл, складывается в общую картину мира, противоречивого, полного загадок и тайн:

Идёшь, счастливая и злая,
отчаянная оттого,
что, всё на свете зная,
не понимаешь ничего,
что страшен мир и чудотворен
противоречием своим,
и так легко тебе покорен,
но что ты будешь делать с ним [Там же]?

Изучение адресной лирики таит в себе сложность, обусловленную двойственностью её природы. С одной стороны, стихотворение – это диалог с читателем, а с другой, благодаря обращению к конкретной личности, является диалогом с адресатом. Основная задача лирического обращения – приобщение читателя к мировоззренческим ценностям автора и его душевным переживаниям. В Татьяничевой Васильева чувствует родственную душу.

«Озорная, быстрая в движениях, с лёгким шагом, остроумнейшая, смелая и дерзкая на язык, но всё это с прищуром, без тени улыбки, чтобы все вокруг покатывались со смеху, а она – нет <...> буйная, неоглядная, с копной кудрявых, тёмных, бегущих по плечам волос, способная на безумства, горящая поэтическим огнём, дерзкая, непослушная, вольная – бесподобная» [Там же, с. 246] – такую характеристику даёт Васильева женщине – «певцу Урала», в которой закована могучая сила. Одна из главных поэтических черт Л. Татьяничевой – сдержанность самовыражения, которая проявилась в эпическом плане, умении даже в коротком стихотворении сосредоточить эпоху. «Хозяйка Медной горы», как звали её соотечественники, очень точно чувствовала время. Этому научилась и Л. Васильева – чувствовать время, понимать и облекать его в поэтическую форму. Поэтессы схожи в стремлении быть с веком наравне, нести личную ответственность за все происходящее в мире. Героическое прошлое своей Родины и Л. Васильева, и Л. Татьяничева освещают не в абстрактном эпическом, а преимущественно в личном, лирическом плане. Часто отправными точками служат факты личной биографии, от которых поэтическая мысль устремляется к обобщениям. Эта особенность определила балладный характер многих произведений Л. Васильевой и позднего творчества Л. Татьяничевой. Отгалкиваясь от явлений жизни, авторская мысль за основу берёт личный, пережитый опыт, стихотворения приобретают повествовательный элемент.

Созвучными у поэтесс оказываются вариации на тему «Слова о полку Игореве». Самый яркий пример – образ Ярославны. Л. Татьяничева в 1943 году публикует стихотворение «Ярославна», тема которого – вечное ожидание мужа-воина с поля боя. Образ Ярославны сливается с лирическим «я» автора: «Сколько дней, сколько длинных столетий / я тебя, мой единственный, жду»; «И тебя я, твоя Ярославна, / в славе подвигов

ратных дождусь», «Я ждала тебя в древнем Путивле / на высокой на белой стене», «Я навстречу зегзицей летела», «Я твое богатырское тело / столько раз врачевала от ран» [14, с. 14]. В стихотворении выделяются три временных пласта: прошлое, настоящее и будущее. Повторяющееся наречие «снова» свидетельствует о том, что события происходят не впервые, они повторяются в истории. От неудачного похода на половцев князя Игоря Святославича через XV век, через освобождение Руси от татаро-монгольского ига – вновь к «кровавому дождю» Великой Отечественной войны. А строка «Груден путь твой, суровый и бранный, / Но нетленной останется Русь» [Там же, с. 15] говорит о будущих испытаниях, которые выпадут на долю Родины. Протяжённый характер времени в стихотворении также реализован в образах: «проходили... годы», «остался на вечные веки». Меняются столетия, эпохи, но неизменной остаётся женское сердце, способное ждать, лететь зегзицей навстречу врагам и верой отводить беду от своего возлюбленного и своей страны.

Ту же мысль развивает Л. Васильева, восклицая в одном из стихотворений: «Была Ярославной плакучей, / Евпраксией нежной была, / налетая над чёрною тучей / и рати на подвиг вела...» [3, с. 365]. С авторским лирическим «я» образ Ярославны сливается и в строчках: «Я распахнула настезь ставни, / к стеклу прохладному прильнув / и к солнцу руки протянув, / стою, подобна Ярославне». Ещё студенткой МГУ поэтесса научилась у Николая Ивановича Либана разгадывать тайны старинных летописей, включая «Слово о полку Игореве», по которому сделала два перевода с древнеславянского. По мотивам «Слова...» написан цикл стихотворений, среди которых «Ярославна». Поиск вневременных истин приводит мысль к векам минувшим:

оттого-то ищет в прошлом,
сквозь наплывы мутных лет,
налипающий к подошвам
истины размытый след [Там же, с. 350].

Повторяется та же мысль, что в стихотворении Л. Татьянической: отшумят века, отойдёт былое время, придут новые эпохи, а голос Ярославны, вобрав в себя многоголосье всех русских женщин, будет слышен над временем и историей:

Лишь она стоит, как прежде,
всеми ветрами дыша,
и в нетающей надежде
бьётся чуткая душа [Там же].

Схожи у поэтесс образные системы. Наиболее ярко это проявляется в древесной образности. Л. Васильева и Л. Татьяническая в образах деревьев акцентируют жизнестойкость, мужество, проецируют на них качества своего лирического героя. Даже хрупкие, трогательные на внешность героини-деревья (берёзы, рябины) обладают негибкой силой и воплощают приметы современности. А сосны и другие хвойные открыто соотносятся с человеком, наделяются самоотверженным характером: «сосны растут, не сутулясь», «сосен царственная стать», «Мы учились у сосен крутой прямизне» (Л. Татьяническая) и «Замерзающие сосны никогда стволов не гнут», «И елей голубеющие свиты, / Придворные исчезнувших царей» (Л. Васильева). Лирику двух поэтесс пронизывает поэтический антропоморфизм, характерное для фольклора олицетворение природы как средство включения её в лирическое действие.

Одно из особо любимых деревьев Л. Татьянической – рябина: «Мне с тоской поведала рябинка» («Золотинка»), «...Я утешу тонкую рябинку» («Золотинка»), «Прошлогодняя рябина / Снегирями склёвана», «...И жаркие слёзы рябин...» («Последние листья как искры...») [13]. Весной 1980 года Л. Татьянической не стало. Похоронена она в Москве, на Кунцевском кладбище, а на её могиле растут две уральские рябины. В третьей части триптиха «Памяти Л. К. Татьянической» Л. Васильева прочно связывает образ поэтессы с рябиной:

Людмила.
Рябина.
Могила.
Чему ты печаль посвятила?
О чём замолчали стихи?
<...>
Но знаешь – вернуть невозможно...
Зачем ты жила осторожно,
спокойствием, мнимым гордьясь?
Простое изведано сложно.
Алеет рябина тревожно,
и ягоды падают в грязь,

чтоб выйти весенним листочком,
по ямам, оврагам и кочкам
безумствовать, княжить, кружить.
И вновь суждено одиночкам –
твоим неоконченным строчкам
случайному сердцу служить [2, с. 244].

Объединяющей темой творчества Л. Васильевой и Л. Татьянической является женская тема. О чём бы ни писали поэтессы, женская щедрость и нежность звучат в каждом их звуке. Это голос Ярославны, провожающей

возлюбленного на поле битвы. Голос, который преодолел время и пространство, благословляет бойцов на подвиг в Великой Отечественной войне. Голос мужественной, самоотверженной в любви женщины. Этот мотив получает пронзительное звучание в контексте поэтизации материнского чувства, которое включает в себя и одухотворяющую радость рождения, и гордость за сыновей, и тревогу, и боль матерей, потерявших детей на войне. Убедительная линия духовного становления волевого женского характера создается зачастую бытовыми деталями. Образ сильной, гордой, негибаемой женщины проходит через всё творчество Л. Татьяничевой и Л. Васильевой, сближая их поэтические голоса, разные по личным переживаниям и силе, напору лирического слова, но родные по ни с чем несравнимому ощущению женской судьбы.

Список литературы

1. Васильева Л. Н. Избранные произведения: в 2-х т. М.: Художественная литература, 1989. Т. 2. 607 с.
2. Васильева Л. Н. Облако огня. М.: Современник, 1988. 303 с.
3. Васильева Л. Н. Стихотворения. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 384 с.
4. Габриэлян Н. М. Ева – это значит «жизнь» (Проблема пространства в современной русской женской прозе) // Вопросы литературы. 1996. Вып. 4. С. 31-71.
5. Лотман Ю. М. Об искусстве. СПб.: Искусство-СПБ, 1998. 702 с.
6. Морозова Т. Чем женщины: не женская проза, а проза, которую пишут женщины // Литературная газета. 1999. № 27.
7. Перова Н. Есть ли в России женская литература? // Литературная газета. 1994. № 9.
8. Савкина И. Л. Говори, Мария! (Заметки о современной русской женской прозе) // Преображение. 1996. № 4. С. 62-67.
9. Савкина И. Л. Кто и как пишет историю русской женской литературы // Новое литературное обозрение. 1997. № 24. С. 359-372.
10. Славникова О. А. Та, что пишет, или Таблетка от головы // Октябрь. 2000. № 3. С. 172-177.
11. Татьяничева Л. К. Живу я в глубине России [Электронный ресурс]. URL: <http://stihi.ekimovka.ru/index.php/nashagodina/198-lyudmila-tatyanicheva-zhivu-ya-v-glubine-rossii> (дата обращения: 26.10.2016).
12. Татьяничева Л. К. Зорька. М.: Советская Россия, 1973. 144 с.
13. Татьяничева Л. К. Стихотворения [Электронный ресурс]. URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/T/tatyanicheva-lyudmila-konstantinovna/stihotvoreniya> (дата обращения: 25.10.2016).
14. Татьяничева Л. К. Царевны. М.: Воениздат, 1968. 144 с.

LARISA VASILIEVA AND LYUDMILA TATYANICHEVA: THEIR PATHS AND CROSS-ROADS

Serova Anastasiya Dmitrievna

Tambov State University named after G. R. Derzhavin

Anastasiya_1036@mail.ru

The article examines the lyrics of the two poets of the second half of the XX century, Larisa Vasilieva and Lyudmila Tatyaničeva, identifies the common features of their lyrical heroes and personages. In this connection the author analyzes the “women’s literature” problem. There are a lot of common themes and images in Vasilieva’s and Tatyaničeva’s lyrics, in particular, historical, maternal themes, tree imagery. The variations on the theme of “The Tale of Igor’s Campaign” appear to be identical with both poetesses. The common theme of Vasilieva’s and Tatyaničeva’s creative work is women’s theme which makes their intonations similar.

Key words and phrases: women’s literature; Larisa Vasilieva; Lyudmila Tatyaničeva; poetry of the second half of the XX century; anthropomorphism; tree lyrics.

УДК 82

В статье исследуются смысловое содержание идей-образов смерти и бессмертия человеческой души в романном дискурсе Ф. М. Достоевского, механизмы образования глубоко символического религиозно-философского пласта, позволяющего рассматривать тему смерти и бессмертия в нравственно-этическом аспекте как этап, предшествующий нравственной катастрофе или духовному возрождению героев.

Ключевые слова и фразы: смерть; бессмертие души; евангельский текст; притча; мировоззрение; христианская символика; философская проблематика; мотив; тема.

Силина Людмила Алексеевна, к. филол. н., доцент

Московский государственный психолого-педагогический университет

l-silina@mail.ru

**СМЕРТЬ КАК ЖИЗНЕУТВЕРЖДАЮЩИЙ ФЕНОМЕН БЫТИЯ
В РОМАННОМ ДИСКУРСЕ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО**

*Работа выполнена в рамках поддержанного РГНФ проекта № 16-04-00523
«Танатологический дискурс русской словесности XI-XX веков в аспекте межкультурной коммуникации».*

В литературоведении конца XX – начала XXI века усилился интерес к духовному содержанию произведений Ф. М. Достоевского, актуализировавший изучение влияния Священного Писания на творческое наследие писателя. На эту неразрывную связь художника с христианской культурой, проявляющуюся в идейно-образной